

Е. И. Серпионова

Екатеринбург, Россия

НИЧТО МЕЖДУ СТРОК: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА В АСПЕКТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: творчество, возможности, эмоции, искусство, смысл.

АННОТАЦИЯ: В центре проблематики статьи находятся экзистенциальные аспекты понимания искусства. Возможность трансформации смысловых структур личности как критерий искусства. Действие и изменение личностных выборов как критерий факта трансформации..

E. I. Serpionova

Yekaterinburg, Russia

ANYTHING BETWEEN LINES: EXPERIENCE OF JUDGMENT OF THE MODERN ART IN ASPECT OF EXISTENTIAL PSYCHOLOGY

KEY WORDS: image of pregnancy, advertising, culture, deintimation, the values of motherhood and childhood.

ABSTRACT: The key problem of the article are existential aspects of art understanding. The possibility of transformation of personality semantic structures is examined as criterion of art. Action and change of personal elections are criterions of the transformation fact.

Сегодня трудно спорить с тем, что в основе творчества лежит открытость к возможностям в мире и толерантность к невозможному опыту. Безусловно, создавать – значит нарушать привычное положение вещей, и общество зачастую противодействует такому нарушению, т.к. любая система стремится к самосохранению. Однако слишком поверхностное восприятие этих тезисов психологии творчества ведет к опасности культурного беспредела, когда любое художественное явление будет поспешно воспринято а) как зрелое искусство, обоснованное смелостью творца в разрушении шаблонности восприятий и б) при попытке общества его оценить по пути непринятия будет защищено вторым тезисом: консервативно и стремится к сохранности. Таким образом, можно сформулировать первую трудность диалога об искусстве как проблему отсутствия внешнего критерия: исследователь вынужден и сегодня понимать под искусством все то, что

называет себя таковым, выдает себя за искусство [5]. Вторая проблема, с которую важно осознать – это дихотомия первичной значимости рефлексии или эмоции. Однако ни осознающее отношение без эмоционального, ни эмоциональное без рефлексивного не дают полноценной картины. Решение, заключенное в их комбинации было бы только компромиссом, а не творческим решением, которое основывается не на диалоге конкурирующих идей, а на поиске третьего пути, который оставит прежнюю конкуренцию без оснований и выведет на принципиально новый путь. Такой путь представлен в работах Д. А. Леонтьева и отражен через понятие смысла, в котором, с одной стороны, сочетаются глубина рефлексии, а с другой стороны – эмоциональная вовлеченность личности.

Для того чтобы преодолеть обозначенные, но не единственные трудности, нахожу полезным ответить на ряд вопро-

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

сов. Существуют ли некие высшие экзистенциальные критерии искусства?; применимы ли эти смысловые свойства искусства к тому виду деятельности, который именуют «современное искусство»? конкретизируя – все ли предложенное в меню Уральской Биеннале можно понимать как зрелое искусство (неважно, какой временной эпитет находится рядом с ним)?

Каковы же могут быть критерии, которые позволят или не позволят отнести художественный факт к искусству для усилий, а не искусству для развлечения? Обращение к предметам культуры подразумевает подсознательный поиск среди литературных, музыкальных произведений, близких, созвучных собственному мироощущению; поиск переживания. Еще древним грекам было известно, что, знакомясь с работами великих творцов, посещая театр, человек помогает самому себе в душевных страданиях, в поиске ответов на болезненные вопросы собственной жизни, хотя, сюжет самого произведения может быть далек от проблемной ситуации зрителя. Тогда зачем он здесь уже не первый раз: около этой картины, на этом спектакле, с этим сборником стихов? Потому что человек ожидает трансформации: есть шанс, что из этого взаимодействия он может выйти другим, а не таким, каким он в него вошел, хотя их сюжеты и формы остаются прежними. К тому, что дает нам возможность стать другим, возвращаются. Именно эта данность потенциала к трансформации характеризует истинность искусства, к квазис искусству возвращаться не хочется – оно однодневно.

Психологический смысл искусства – это такое пробуждение переживания чувств (а не только ума), которое формирует побуждение (действие), влекущее за собой реальные трансформации личности человека и изменения его отношений в диаде «индивидуальное бытие и окружающий мир». В экзистенциальной психологии такое переживание названо встречей. Феномен встречи в процессе творчества описан Ролло Мэйем в книге «Мужество творить» [12]. Итогом настоящей Встречи с искусством становится измене-

ние в отношениях «я – окружающий мир». Встреча в экзистенциальной психологии Р. Мэя – это особое состояние: к минуте встречи можно идти годами, она чаще всего непредсказуема и спонтанна, но всегда отлична глубочайшим переживанием и проживанием момента инициации человека и окружающего мира после которой происходит изменение в отношениях между миром и бытием конкретной личности. Из Встречи (если это она) невозможно выйти прежним. Истинно встретиться с произведением искусства – пережить, осмыслить, раскрыть себя по-новому, стать другим, а стать, значит начать действовать по-другому [4]. Здесь уместно вспомнить слова В. Франкла «страдание только тогда имеет смысл, если ты сам становишься другим» и это справедливо как для творца, так и для воспринимающей стороны [13].

Представлению о встрече Р. Мэя оказывается близко понятие инициации Карлфрида Дюркхайма. Согласно Дюркхайму в процессе инициации происходит соприкосновение человека с бытием, которое существенным образом изменяет саму структуру его существования, структуру его бытия-в-мире [6]. Об изменениях в отношении «я-мир» (так называемых метаморфозах) посредством общения с искусством писал и Л. С. Выготский. Смысл метаморфоза чувств состоит, по мысли Выготского, в том, что они возвышаются над индивидуальными чувствами, обобщаются и становятся общественными. Так, смысл и функция стихотворения о грусти вовсе не в том, чтобы передать нам грусть автора, заразить нас ею (это было бы грустно для искусства, замечает Выготский), а в том, чтобы претворять эту грусть так, чтобы человеку что-то открылось по-новому – в более высокой, более человеческой жизненной правде [3].

Таким образом, можно сформулировать важнейший экзистенциальный критерий искусства – смысловая перестройка, которая происходит там, где личность решает проблему невозможности сохранения прежней системы взаимоотношений с миром. Леонтьев справедливо выделяет три ситуации, в которых такие смысловые пе-

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

рестройки имеют место: 1) жизненные коллизии – критические обстоятельства (угрозы психическому и физическому благополучию или их реальные травмы); 2) общение со значимым другим; 3) общение с искусством, которое также может дать перерождение смыслов. «Можно предложить рассматривать порождение смыслов в качестве возможного критерия искусства, определяя искусство как такой артефакт, который хотя бы на одного человека может оказать эффект воздействия перестройки его смысловых структур» [9. С. 77].

Однако как только мы примем критерием искусства возможность эффекта перестройки смысла внутри личности, возникнет новая опасность. Многие, получив только что этот критерий, начнут говорить о том, что названные перестройки в их личности произошли и рискуют утверждать это слишком поспешно по двум причинам: 1) отсутствие понимания «смысла» как метапсихологической категории; 2) отсутствие объективных доказательств трансформации смысла. К сожалению, в данной статье мы сконцентрированы на другом и опустим размышления о смысле как сосуде, объединяющем все три фундаментальные психологические категории «деятельность, сознание, личность». Самое время привести пример иллюзорной трансформации смысла. Автор пишет в своем блоге отзыв об опыте «хождения по книгам»: «Пройдя по книгам, ощущаешь колющий осадочек от полученного экзистенциального опыта – боль обнажившейся раны. Хитрость арт-инсталляции "Камю" в том, что она манит совершить грехопадение – встать на книги, пройти по ним...». Во-первых, «в искусстве для эмоций; квазиискусстве нет иного содержания, кроме переданного прямым текстом» [9. С.76]. В данном примере книги привели автора к размышлениям о книгах же: это равносильно тому, что созерцание картины Серова «Девушка с персиками» приведет нас к размышлению о девушке с персиками. Ничто между строк. Во-вторых, в тексте я не обнаруживаю важного – критерия свершения смысловой трансформации, хо-

тя автор делится с миром своими видениями-пониманиями и это тоже значимо: это шаг. Можем ли мы надеяться на то, что переживание действительно позволит выйти автору строк из опыта взаимодействия другим, значат ли они, что изменилась его смысловая картина бытия? Если да, то, как он сам в состоянии это определить? Так мы подошли к следующему вопросу – применимы ли смысловые свойства искусства к тому виду деятельности, который сегодня именуют «современное». Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, нужно хорошо представлять, что может являться маяком факта личностной трансформации.

Психотерапевтическая функция искусства базируется на его ресурсе вызывать переживания и когнитивные инсайты, благодаря которым человек может перестроить смысловые структуры и изменить свою жизнь на уровне осознанного действия. В общеизвестном приближении это состояние называется катарсис – сильное эмоциональное потрясение, которое вызвано не реальными событиями жизни, а их символическим отображением, например, в книге, картине, театральной постановке, музыке. Но это состояние можно понимать и глубже. С точки зрения Л.С. Выготского катарсис – это, скорее, решение некоторой высшей личностной задачи, открытие более высокой, более человеческой правды жизненных явлений, ситуаций [3]. Наиболее полным и глубоким пониманием катарсиса мне представляется дефиниция, сформулированная Д. А. Леонтьевым: «катарсис – это отражение процесса глубинной смысловой перестройки, диалектического разрешения на новом уровне внутреннего противоречия в смысловой сфере личности» [10]. Если состоялась встреча – полезное взаимодействие между смысловой картиной автора, выраженной в произведении, и картиной личных смыслов реципиента, то происходит реальная трансформация внутреннего мира зрителя, которая выражается в завершении художественного переживания эффектом катарсиса. Однако насколько полно факт катарсиса может свидетельствовать о наличии действительной смысловой перестройки?

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

В моем понимании критерием реальной (а не иллюзорной) личностной трансформации будет следующее за катарсисом изменение на уровне конкретных действий, поступков личности, в формировании устойчивой концентрированной мотивации, выраженной в последовательной верности новым моделям поведения. Зримое изменение отношений в диаде «мое бытие – окружающий мир» выражается в изменении поступков и выборов. В противном случае изменения лишь заявляются, в лучшем случае, потенцируются, подаются надежды на... Другими словами, подтверждение трансформации личностных смыслов, как эффекта взаимодействия с искусством, возможно после факта изменения поведения. До этой встречи с произведением я был таким-то и действовал так-то, но теперь я поступаю иначе, я совершаю другие выборы. И именно мои новые поступки дают мне право свободно и достойно заявлять миру, что я изменился. Подчеркиваю: я из следствия стал причинностью, а, значит, я сам изменил себя, а не обстоятельства меня. Представляется сомнительной множественность таких по силе и мощи эффекта ситуаций взаимодействия с искусством в жизни одного человека.

Таким образом, трансформация отношений с жизнью посредством искусства – это изменение смысловой реальности внутри конкретной личности, подтвержденной в реальных и последовательных поступках ее индивидуального бытия. Заявления типа: «Теперь я поняла, какое у нас паршивое государство. Вот, даже художник с Биеннале это отразил в своей инсталляции» являются только иллюзией трансформации. Истинная трансформация смысла проявляет себя в ответственном (и часто болезненном) осознании самого себя как причинности там, где, до встречи с произведением искусства человек понимал себя лишь как следствие. Описываемое явление похоже на феномен самовыдвижения деятельности: самодетерминации выборов жизни, о которых говорит Д. Богоявленская [2.С.197]. И, которые, по сути своей близки пониманию свободы выбора как критерия самореализующейся лично-

сти. Так мы подходим к завершающему данную статью аспекту: возможные пути определения смыслового воздействия искусства.

Я верю Мартину Хайдеггеру, что «язык-дом бытия», а понимание речи как деятельности в отечественной психологии побуждает полагать, что вербальные реакции отражают семантическое поле личности, его бытие и позволяют отличать лишь говорение о трансформации и факт трансформации. Проанализируем вербальные отзывы участников выставки «Биеннале» (по блогам, Живым Журналам и portalу «Культур-Мультир»). Словесные мнения участников выставки Биеннале, в основном, таковы: «интересно», «было не скучно», «интересненький проектик».

Интерес можно рассматривать двояко. Интерес ради эмоций. Кажущийся необходимым адаптационный уровень интереса (потребительский, культмассовый): здесь я понимаю интерес исключительно как категорию детского. Одной из форм бегства от свободы и ответственности личности стал уход в регрессивные модели поведения. Детское восприятие постоянно ищет нечто, что будет его развлекать. Говоря о детскости восприятия, я имею в виду психологические состояния взрослых людей, которые проявляются через нас. Ребенок есть в каждом, как в каждом живут родитель и взрослый – не важно при этом, какой возраст у нас по паспорту. В психологии это называется – ЭГО-состояния [1]. Все три состояния нам полезны. Но в момент, когда наше психологически доминантное Эго-состояние начинает вступать в противоречие с ситуацией, которая предполагает иной стиль реагирования или же начинает сильно доминировать, то оно, это состояние, подчиняет нас себе. Так, если доминирует «родитель», то человек будет склонен излишне контролировать других, порицать, осуждать, требовать, наказывать и миловать. Если мы чрезмерно захвачены "ребенком", то недооцениваем опасности и тревоги мира, требуем зрелищ и развлечений. Человек-ребенок бежит от боли, от неприятного опыта, он не хочет ответственности, ски-

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

дывает на других свои печали (например, на Путина или государство в целом). Поэтому ребенок склонен выбирать себе такое зрелище, которое не таит опасности встречи с болезненным переживанием. В этом смысле вычурная оригинальность Биеннале только подкармливает детское Эго – состояние зрителя. Но и сама оригинальность многолика и коварна. «За ней могут стоять различные, порою прямопротивоположные явления: это может быть и содержательный процесс <...>, а может быть и не имеющее никакого отношения к творчеству оригинальничание» [2. С. 190]. Однако любому ребенку быстро надоедают привычные игрушки. Ему неизбежно станет скучно, и он снова будет искать что-то новое. Поэтому многие арт-объекты Биеннале обречены на временность, сиюминутность и зависимость от выраженности детского Эго-состояния зрителя. Не отрицая ценность непосредственности детского восприятия, которое может сохранить взрослый, напоминая о том психологическом, излишне выраженном, состоянии, которое, захватив, взрослого человека, начинает руководить его жизнью, его выборами.

Совсем иное – это интерес, побуждающий к деятельности, обладающий смыслом. Такому состоянию интереса предшествует эмоционально-окрашенное интуитивное ощущение возможности (интуиция смысла, она позволяет выбирать из ряда возможностей ту, что обладает наибольшим потенциалом развития), а затем, и это главное, интерес выражается в некоем личностно-значимом действии. Таким образом, именно в области отсутствия экзистенциального смысла трансформации об-

наруживается огромная пропасть между увиденным на Биеннале и искусством. Может многое из предложенного вовсе не искусство, а иная деятельность, адекватного названия которой еще нет, хотя мне сложно избежать аналогии с кичем. У нее иные задачи и иная судьба понять и исследовать которые еще предстоит. «Самое блестящее мировоззренческое открытие, не найдя адекватного воплощения в художественной форме, не станет фактом искусства. Вместе с тем, этот этап является необходимым – художника не спасает мастерство, если ему нечего сказать людям. Без этого нет искусства – есть лишь вызывающие уныние мириады вполне добротного выполненных книг и картин, не говорящих ничего ни уму, ни сердцу» [11. С.425].

Таким образом, возможность изменения точки сборки смысловой реальности может быть критерием искусства. Катарсис может пониматься как личностный признак трансформации, но трансформация на уровне эмоции – предпосылка изменений жизни: истинная трансформация предполагает ответственное, самодетерминированное изменение на уровне реального и последовательного поступка в условиях индивидуального бытия отдельной личности. И это гораздо вернее говорит нам, что полезное взаимодействие действительно состоялось. Многие сейчас могут залихватски сказать: «Да! Моя жизнь изменилась после Биеннале! Я изменился!». Вы уверены, что это не просто говорение? Изменились ли ваши конкретные действия? Можете ли вы теперь последовательно и ежедневно подтверждать свои новые выборы реальными поступками? Будьте честны с собой при ответе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берн Э. Трансакционный анализ и психотерапия. – СПб, 1994.
2. Богоявленская Д.Б. Вчера и сегодня психологии творчества // Дорфман Л., Мартиндейл К., Петров В., Махотка П., Леонтьев Д., Купчик Дж. (ред.) Творчество в искусстве – искусство творчества. – М.: Наука; Смысл, 2000. С.186-198.
3. Выготский Л.С. Введение в психологию искусства. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
4. Дорфман Л. Я. Пережить, чтобы осмыслить и действовать // Вестник высшей школы, 1991. № 1. С. 65-71.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

5. Дорфман Л.Я, Леонтьев А.Д. Неклассический подход в эмпирических исследованиях искусства //Дорфман Л., Мартиндейл К., Петров В., Махотка П., Леонтьев Д., Купчик Дж. (ред.) Творчество в искусстве – искусство творчества. – М.: Наука; Смысл, 2000
6. Дюркхайм К. О двойственном происхождении человека. – СПб., – Импакс, 1992. Леонтьев А.Д. Осмысленность искусства // Искусство и эмоции: материалы международного научного симпозиума / под ред. Л.Я.Дорфмана, Д.А.Леонтьева, В.М.Петрова, В.А.Созинова. – Пермь: Пермский госуд. институт культуры, 1991. С.57-70
7. Леонтьев А.Д. Пути развития творчества: личность как определяющий фактор// Воображение и творчество в образовании и профессиональной деятельности. Материалы чтений памяти Л.С.Выготского: Четвертая Междунар. конф. – М.: РГГУ, 2004. С. 214-223.
8. Леонтьев А.Д.Личность в психологии искусства// Дорфман Л., Мартиндейл К., Петров В., Махотка П., Леонтьев Д., Купчик Дж. (ред.) Творчество в искусстве – искусство творчества. – М.: Наука; Смысл, 2000.
9. Леонтьев Д.А. Введение в психологию искусства. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998
10. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: СМЫСЛ, 2003.
11. Мэй Ролло Мужество творить: очерк психологии творчества : [пер. с англ.]. М.: Ин-т общегуманитарных исслед., 2012.
12. Франкл В. Человек в поисках смысла: [Сборник] : Пер. с англ. и нем. / В. Франкл; Общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева; Вступ. ст. Д. А. Леонтьева [с. 5-21] М. : Прогресс , 1990.